

нечном итоге он был выведен летом 1804 года из Комиссии по устройству университета и указом императора был лишен права вмешиваться в дальнейшие дела университета.

*Диссон Ю.А.
(исторический факультет МГУ)*

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОН В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Московский университетский благородный пансион – учебное заведение, которое, несмотря на достаточно короткий период существования, оставило значительный след в русской культуре и занимало особое место в системе народного просвещения России. Оно представляло собой государственное, элитарное учебное заведение, которое брало на себя воспитание, содержание и обучение представителей дворянского сословия.

Московский университетский благородный пансион за свое более чем полувековое существование воспитал не одно поколение дворянской молодежи. Его выпускники стали лучшими представителями общественной элиты. Многие бывшие пансионеры проявили себя впоследствии как выдающиеся государственные деятели, талантливые и успешные военные. Значительное число выпускников пансиона прославили свое имя на ниве литературы. Пансион по праву считался многими современниками лучшим учебным заведением той эпохи, особенно отличаясь высоким для своего времени уровнем преподавания гуманитарных наук. В то время как гимназии и даже университеты переживали глубокий кризис, Благородный пансион находился в цветущем состоянии, был чуть ли не единственным примером благополучного и успешно функционирующего учебного заведения первых десятилетий XIX в. Учебная программа пансиона продумывалась и составлялась согласно с потребностями представителей дворянского сословия. Свообразием отличалось и внутреннее устройство Московского университетского благородного пансиона. Особая атмосфера пансиона превращала его в особый мир, живущий по своим законам и порядкам, имеющим свои особые правила.

Благородный пансион не имел аналогов в свое время, он был единственным учреждением такого рода. Только в 1810–1820-е гг., в то время, когда пансион уже сумел завоевать значительную популярность в дворянском обществе, начинают появляться подобные ему учебные заведения, самым известным из которых был Царскосельский лицей.

Роль и место Московского университетского благородного пансиона в системе народного просвещения России неоднократно претерпевали изменения на протяжении его более чем полувекового существования. В истории пансиона можно выделить 4 периода:

1779–1806: формирование нового учебного заведения, закладка его основ.

1806–1818: постепенное обретение независимости пансиона от Московского университета.

1818–1826: период относительно стабильного, самостоятельного развития.

1826–1830: влияние на пансион последствий восстания декабристов и изменившейся политики Николая I в области просвещения, что принесло ревизии и попытки реформирования пансиона, завершившиеся его преобразованием в гимназию.

Время с 1778 по 1806 годы, то есть от официального объявления об открытии пансиона до законодательного закрепления его статуса в системе народного просвещения, можно считать первым периодом его истории. В этот период происходит формирование нового учебного заведения, определяются его цели, статус.

Одновременно с основанием Московского университета в 1755 году были учреждены две гимназии: дворянская и разночинская. Целью их было подготовить юношей этих сословий к поступлению в университет. Хотя эти две гимназии были отделены друг от друга лишь на бумаге, дворяне все же жили на отдельной половине и обедали за отдельными столами. Н. В. Сушков — один из воспитанников пансиона, автор посвященных этому учебному заведению воспоминаний, полагал, что Благородный пансион стал преемником дворянской гимназии. Но поскольку и после 1779 года дворянская гимназия не прекратила свое существование, правомернее сказать, что Благородный пансион выделился из этой гимназии, забрав лишь определенную часть обучавшихся в ней детей дворянского происхождения.

На вопрос о точной дате основания пансиона трудно ответить однозначно. Так, П.И. Страхов, подробно рассказывая о создании пансиона в своей «Истории академической гимназии», считает датой его образования 1779 год, когда часть дворян гимназии переселили из основного университетского здания в отдельный двухэтажный деревянный дом, хотя тут же указывает, что фактически пансион существовал уже до этого события¹. Н. В. Сушков говорит об открытии пансиона не как о единовременном акте, а как о цепи событий, приведших к появлению при Московском университете нового учебного заведения, предназначенного для детей дворян². Однако С. П. Шевырев, воспитанник пансиона и автор «Истории императорского Московского Университета», приводит в ней точную дату — 15 декабря 1778-го года, когда в сотом номере «Московских ведомостей» впервые было напечатано «Объявление о учреждении вольнаго Пансиона при Императорском Московском Университете». По нашему мнению, именно этот день было бы естественно принять отправной точкой в истории пансиона.

Что касается вопроса об основателе пансиона, то и Сушков, и Шевырев отводят эту роль М.М. Хераскову, тем более что с июня 1778 года именно он реально управлял делами университета, будучи единственным из трех его кураторов, кто находился в Москве. Однако не стоит и преувеличивать роль М.М. Хераскова в истории этого учебного заведения, поскольку в дальнейшем значительные для пансиона шаги предпринимал другой куратор И.И. Мелиссино.

Первым инспектором пансиона стал И.А. Гейм³, который занимал эту должность с 1784 года. До этого момента должности инспектора пансиона не существовало, а всеми его делами ведал эконо́м Крупенников. С 1786 года Благородный пансион возглавил П.Ив. Страхов, назначенный «главным смотрителем в Благородном университетском пансионе»⁴.

¹ *Страхов П.И.* Краткая история академической гимназии. М., 1855. С. 58–59.

² *Сушков Н.В.* Воспоминания о Московском Университетском Благородном Пансионе. М., 1848. С. 33

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета. Т. 1. М., 1855. С. 175.

⁴ Там же. Т.2. С. 459.

В «Объявлении об учреждении вольного пансиона при императорском Московском университете» от 15 декабря 1778 года говорилось, что пансион предназначен всего для 12 питомцев, обучение, содержание и воспитание которых будет точно соответствовать условиям университетских пансионеров⁵. В объявлении не был указан перечень дисциплин, которым предполагалось обучать детей – возможно, этот вопрос еще не был тогда окончательно решен; в то же время в документе подчеркивалась именно воспитательная функция пансиона⁶. Из объявления ясно следовала полная зависимость нового учебного заведения от Московского университета. Пансион был организован под «Университетскою опекою» и изначально являлся его составной частью. Воспитанники посещали лекции в Московском университете, питались в общей университетской столовой.

Вскоре число воспитанников было увеличено до 50 человек. По мере роста пансион двигался по пути получения все большей самостоятельности и независимости от университета. Первый шаг на этом пути – переезд в новое здание. В объявлении, опубликованном в 69-м номере «Московских ведомостей» за 1783 год, указывалось, что пансион уже имеет отдельное здание⁷. Кроме этого, из объявления видно, какие значительные изменения произошли в пансионе за 4 года его существования. В объявлении 1783 года пансион уже назван «Дворянским воспитательным училищем, учрежденным при императорском Московском университете под именем Вольного благородного пансиона». Здесь же четко сформулированы цели, которые ставит перед собой пансион. Их выделено три:

«1. Научить детей или просветить их разум полезными знаниями, и через то приуготовить их нужными быть членами в обществе.

2. Вкоренить в сердца их благонравие и чрез то сделать из них истинно полезных, то есть честных и добродетельных сограждан; и, наконец,

3. Сохранить их здравие и доставить телу возможную крепость, столь нужную к понесению общественных трудов к должному отправлению с успехом государственной службы»⁸.

В отличие от объявления 1778 года, в 1783 году уже перечисляются предметы, которым могут обучаться воспитанники, подробнее излагаются порядки и образ жизни в пансионе. Из приведенной в объявлении учебной программы можно сделать вывод об общем характере образования и о приоритете естественнонаучных предметов над гуманитарными, в то время как впоследствии пансион будет известен именно своим литературным направлением.

Направленность пансиона изменится позднее, с приходом нового инспектора. В 1790 году Благородный пансион был перемещен в бывший дом Межевой канцелярии⁹. В решении о передаче этого дома Благородному пансиону определенную роль сыграл секретарь куратора И.И. Мелиссино, воспитанник Московского университета А.А. Прокопович-Антонский. Именно он при поддержке Дружеского Ученого Общества предложил Мелиссино обратиться к императрице Екатерине с просьбой передать выставленный на продажу дом Межевой канцелярии университетскому пансиону, что и было в последствии осуществлено. Скорее всего, именно из-за такого участия в жизни Благородного пансиона А.А.Прокоповичу-Антонскому и бы-

⁵ Московские ведомости. 1778. № 100. С. 984.

⁶ Там же.

⁷ Московские ведомости. 1783. № 69. С. 549.

⁸ Там же.

⁹ Московские ведомости. 1790. № 43. С. 380.

ло в следующем году поручено управление переехавшим на новое место пансионом. При этом переезд в дом Межевой канцелярии явился одним из шагов в сторону уменьшения зависимости Благородного пансиона от Московского университета.

В 1791 году А.А. Прокопович-Антонский был назначен инспектором пансиона. Правомерно сказать, что с этого момента начинается новая эра в истории Благородного пансиона, так как именно Антонский, бессменно руководивший пансионом до 1826 года сделал его таким, каким его воспринимало русское общество конца XVIII – первой четверти XIX в.

В 1799 году состоялось учреждение литературного общества – «Собрание воспитанников университетского Благородного пансиона». Первым председателем собрания стал В.А. Жуковский. Он же был одним из первых его основателей и, вероятно, автором устава общества. В «Собрании» в разные годы состояли Д.В. Дашков, М.А. Дмитриев, М.В. Милонов, В.Ф. Одоевский, Н.И. Тургенев, С.П. Шевырев и другие замечательные питомцы пансиона, ставшие потом литераторами и общественными деятелями.

В 1804 году был принят Устав Московского университета, по которому университет получил новые «права и преимущества». Среди них в уставе оговаривалась и возможность содержания при университете Благородного пансиона¹⁰. После принятия нового университетского устава подобные уставы были приняты и отдельно для других учебных заведений, а в 1806 году вышло «Постановление Благородного пансиона при императорском Московском университете учрежденного» – документ, окончательно утверждающий статус пансиона¹¹.

Постановление 1806 года, с одной стороны, фиксирует и закрепляет зависимость Благородного пансиона от университета. С другой стороны, в нем обозначено особое и обособленное положение Благородного пансиона по отношению к другим частям университета, его большая самостоятельность, о чем свидетельствует его расположение в отдельном здании и финансовая самостоятельность. Цели, поставленные перед пансионом, практически неизменны по сравнению с 1783 годом, акцент сделан на необходимости формирования в воспитанниках определенного мировоззрения, основанного, прежде всего, на религиозности и патриотизме¹². Учебная программа отвечает намеченным целям: в пансионе давали такие знания и навыки, которые были необходимы юным дворянам. В постановлении оговаривался порядок поступления в пансион и сдачи экзаменов, проводившихся ежегодно накануне Рождества. Специально отмечено, «воспитанник по приобретении достаточных успехов в учении Благородного пансиона может приступить к слушанию лекций университетских»¹³. До 1812 года воспитанники производились в студенты по результатам своей учебы, без особых на то экзаменов, при этом фактически оставаясь в подчинении пансионского начальства¹⁴. В постановлении подробно описан быт воспитанников, распорядок их жизни, причем важнейшим условием оставался неусыпный присмотр за пансионерами, как за их учебой, поведением, так и за образом мыслей¹⁵.

¹⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. С. 265.

¹¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. 1. С. 132.

¹² Там же. С. 133.

¹³ Там же. С. 143.

¹⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 76.

¹⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. 1. С. 143.

1806–1818 годы – время существенных изменений статуса пансиона – можно также выделить в отдельный, второй период его истории. Событием, так или иначе повлиявшим на многие образовательные учреждения, а также на все дворянское общество, было принятие известного указа 6 августа 1809 года «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники». Этот указ имел своей целью приобщить дворян к образованию¹⁶. Вряд ли можно говорить, что указ 1809 года достиг поставленной перед ним цели, тем не менее, в первые годы после его выхода наблюдался приток студентов в университеты. Указ оказал влияние и на Благородный пансион и его воспитанников. Значительно увеличилась доля пансионеров, принимаемых ежегодно в студенты Московского университета. С 1809 г. получение университетского образования стало для многих дворян вынужденной мерой, необходимой для продвижения по службе. Пансион же в данном случае был наиболее удобным для молодых дворян средством поступления в университет.

Война 1812 года не могла не повлиять на историю Благородного пансиона: во время пребывания французов в Москве его здание было разрушено. Однако пансион быстро оправился от военных потрясений и не только обновил свой внешний вид, но и сумел в кратчайшие сроки справиться со связанными с этим финансовыми трудностями. После окончания войны пансион был вновь открыт в мае 1813 года. Первоначально, пока новое здание еще не было отстроено, пансион был перемещен в нанятый для него частный дом, но уже в 1814 году здание Благородного пансиона начало восстанавливаться.

Событием, вошедшим в историю пансиона, стало посещение его во вновь отстроенном здании императором Александром I 18 августа 1816 года. Слова, сказанные императором во время этого посещения: «Истинное просвещение основано на религии и Евангелии», – и дата этого события были вырезаны золотыми буквами на специальной памятной доске. Этот визит Александра I и реакция на него показывает, что взаимоотношения пансиона и власти в тот момент были весьма благоприятными, что прослеживается и на его дальнейшей судьбе. Правительственные распоряжения 1818–1819 годов подчеркивают доверие к этому учебному заведению, его особый привилегированный характер и, в целом, свидетельствуют о высокой оценке его деятельности.

Важнейшим событием в истории Московского университетского благородного пансиона было предоставление ему в 1818 году особых прав и привилегий. По постановлению Министерства народного просвещения от 14 февраля 1818 года воспитанники Московского благородного пансиона получали право «вступать в военную службу с преимуществами, предоставляемыми студентам университетов»¹⁷. Новые права зафиксированы в проекте постановления для Московского университетского благородного пансиона от 19 марта 1819 года¹⁸. В соответствии с этим документом воспитанники, по окончании пансиона получали чины 14, 12 или 10-го класса, причем окончившие пансион воспитанники производились далее в высшие чины, не подвергаясь испытаниям, определенным для гражданских чиновников указом 6 августа 1809 года¹⁹. Таким образом, пансионеры были поставлены в этом

¹⁶ Там же. С. 511.

¹⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. С. 138.

¹⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. 1. С. 351.

¹⁹ Там же. С. 351–352.

отношении не то что в равное, но даже в привилегированное положение по сравнению со студентами университета: высшим чином для выпускника университета был 12-й, который получали в случае его окончания с ученой степенью кандидата. Это несоответствие было смягчено в 1822 году, когда чины, предоставляемые выпускникам университетов, были повышены на 2 класса. Тем не менее, уже получив высокие чины, многие пансионеры не видели смысла продолжать свое образование в университете. В проекте постановления уже не было пункта о том, что выпускники пансиона поступают в университет без экзаменов. Таким образом, пансион утратил свое первоначальное значение подготовки дворян к поступлению в университет и стал для них своеобразной альтернативой университетскому образованию.

Круг предметов был по проекту постановления несколько расширен, прежде всего, за счет словесных наук, изучение которых стало более глубоким и дифференцированным. В отличие от постановления 1806 года, здесь четко расписано разделение на классы – «высший», «средний» и «низший», каждый из которых имеет два отделения – «старшее» и «младшее», имеется и «приготовительный» класс, причем для каждого из выделенных классов определена своя цель обучения²⁰. Таким образом, делается попытка упорядочить процесс обучения в пансионе.

В проекте постановления записано, что «пансион, в силу 9 статьи университетского устава, входя в состав университета, состоит в зависимости его и находится под непосредственным управлением попечителя»²¹. Тем не менее, в это время зависимость пансиона от Московского университета осталась лишь формальностью. Тенденция к все большей независимости пансиона продолжилась с изданием постановления «О дозволении Московскому университетскому благородному пансиону иметь собственную печать» 17 мая 1819 года.

Начиная с 1818–1819 годов, пансион развивается уже как самостоятельное учреждение. Период с 1818 по 1826 годы – третий период его истории, время чрезвычайно благоприятное для пансиона – характеризуется относительной стабильностью. Это наименее насыщенное событиями время в истории пансиона сменяется бурным и сложным периодом ревизий Благородного пансиона, в который к тому же было осуществлено несколько попыток его реформирования.

Скорее всего, благоприятные для пансиона тенденции имели бы дальнейшее продолжение, но обстоятельства сложились иначе. Смена царствования, события декабря 1825 года, обстановка в стране, поворот к реакции, отношение Николая I к образованию – все это повлияло на дальнейшую историю пансиона, поставило его в совершенно новые условия. Восстание декабристов, следствие, суд над ними не могли не сказаться на отношении Николая I к Благородному пансиону. Известно, что в различные годы в Московском университете и университетском Благородном пансионе училось более 60 будущих участников восстания на Сенатской площади²². Идеальная атмосфера пансиона вызывала беспокойство Николая I. Наряду с Царско-сельским лицеем и Московским университетом он стал объектом пристального внимания властей.

Ревизии учебных заведений Москвы начались с самого восшествия Николая I на престол. В январе 1826 года в числе других учреждений попечитель Московского учебного округа А.А. Писарев осмотрел Московский университетский благород-

²⁰ Там же. С. 357.

²¹ Там же. С.354–355.

²² *Петров Ф. А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн. 2. Ч. 2. С. 18.

ный пансион. В своем донесении он сформулировал основные замечания. По части нравственной он нашел недостаточным надзор за воспитанниками из-за малого числа надзирателей и нестроного их выбора. Особенно недоволен попечитель остался хозяйственной частью пансиона. Здесь более всего проявился «произвол» его директора, самостоятельность его в ведении дел. А.А.Прокопович-Антонский, действительно, управлял финансовой жизнью пансиона единолично. Такое положение дел объяснялось фактически полной независимостью этого учебного заведения, отсутствием всякого контроля над пансионом со стороны Московского университета, что тревожило попечителя. Единовластие и самостоятельность директора усугублялись еще и тем, что он совмещал с этой должностью и пост ректора Московского университета²³.

В итоге был сделан вывод о необходимости вновь подчинить пансион университетскому правлению, упорядочить штат его чиновников, четко разделив хозяйственные функции, и запретить совмещение одним лицом должности ректора Московского университета и директора Благородного пансиона. Идея пересмотреть постановление о пансионе 1819 года, предоставлявшее ему практически полную независимость, с тем чтобы возобновить его подчинение университету, получила в дальнейшем развитие. Возможно, воплощение ее в жизнь могло бы стать альтернативой преобразования Благородного пансиона в гимназию. Министр народного просвещения А.С. Шишков одобрил замечания, приведенные в донесении попечителя Московского учебного округа, и поручил ему «немедленно заняться составлением нового устава для сего полезного заведения таким образом, чтобы оно имело неразрывную связь с университетом»²⁴. Уже в мае 1826 года с этой целью была собрана специальная комиссия во главе с попечителем Московского учебного округа А.А. Писаревым²⁵. К лету 1826 года новое «Постановление о Благородном пансионе при императорском Московском университете учрежденном» было написано. В нем были существенно пересмотрены положения постановления 1819 года. Изменен был статус пансиона, который из самостоятельного учебного заведения становился по новому постановлению составной частью Московского университета, полностью подконтрольной его правлению. В первом же пункте этого документа подчеркивалось: «Благородный пансион есть часть императорского Московского университета, он состоит в полной его зависимости и подчиненности»²⁶.

По новому постановлению выпускники пансиона могли без экзаменов поступать в университет, как это было предусмотрено в старом постановлении 1806 года²⁷. Пансионеры, как и по постановлению 1819 г., имели право на классные чины²⁸. Согласно постановлению 1826 года должность директора как главы пансиона, введенная еще в 1818 году, не предусмотрена, а возглавлять пансион должен инспектор, определяемый из ординарных профессоров²⁹. Тем самым понижался статус главы пансиона, а значит, и самого учреждения, и в этом смысле происходило его возвращение к положению, существовавшему до 1818 года. Для учебного и хозяйственного управления учреждалась конференция пансиона, состоящая помимо инспектора еще из трех членов университетского совета, из которых один имеет

²³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 3141. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Там же. Л. 15–16.

звание ее председателя, которая «...рассматривая все, касающиеся до сего заведения, входит с представлениями своими по части хозяйственной в университетское правление, а по части учебной в совет и ожидает от них решений»³⁰. Этот пункт постановления также приближал пансион к устройству, предусмотренному Постановлением 1806 года. Подробно описан в новом документе порядок строгой отчетности пансионской конференции перед университетским советом³¹. Таким образом, делалась попытка положить конец полной финансовой самостоятельности Благородного пансиона, поставить всю хозяйственную жизнь, которая ранее зависела лично от директора Антонского, под строгий контроль университета. Единичное и ничем не ограниченное правление директора, в котором министр народного просвещения и другие чиновники видели корень всех пансионских проблем, было также ограничено специальным пунктом о недопустимости соединения одним лицом должности главы пансиона и университета³².

Важным пунктом, относящимся к пансионерам, было предписание им обязательного ношения мундира, «для единообразия в одеянии». Впоследствии, несмотря на то, что новый устав так и не вступил в силу, этот пункт будет приведен в исполнение отдельным постановлением от 6 сентября 1826 года. Список предметов, предполагаемых для изучения благородными воспитанниками, был несколько изменен. Новым, по сравнению с 1819 годом, было введение славянского языка и изучения сельского хозяйства, однако история философии, естественное право, начала дипломатии исключались из программы³³.

К июню 1826 года составление нового постановления было завершено. Принятие нового постановления существенно изменило бы статус Московского университетского благородного пансиона. Сохранив права его выпускников на классные чины – преимущество, дарованное пансиону в 1818 году, этот документ пересматривал остальные существенные положения старого пансионского Устава, превращая его из фактически независимого и лишь формально входящего в состав Московского университета учебного заведения в учреждение полностью подчиненное и подконтрольное университету.

Вероятно, такое реформирование Благородного пансиона натолкнулось на сопротивление его начальства. Так или иначе, новое постановление так и не вступило в силу. Пансионское правление продолжало руководствоваться прежним своим уставом, а вопрос о взаимоотношении пансиона и университета так и остался открытым, вызывая в дальнейшем новые разногласия и сложности. Так, уже сменивший Антонского на посту директора П.А. Курбатов в конце 1827 года отказался от править по запросу правления университета отчеты и отзывы о хозяйственных делах Благородного пансиона, ссылаясь на то, что подчинение пансиона университету не согласно с существующим постановлением³⁴.

Пансион, продолжая вызывать недоверие властей, подвергался новым ревизиям. 17 апреля 1826 года начальник Главного штаба И.И.Дибич, по приказу Николая I, направил предписание флигель-адъютанту полковнику графу С.Г.Строганову посетить Московский университет и Благородный пансион, обратить внимание на профессоров, учителей и наставников, выяснить, «не кроится ли чего вредного

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 3454. Л. 1.

для существующего порядка вещей и противного правилам гражданина и подданного в системе учебного преподавания наук», и проверить благонамеренность наставников и воспитанников³⁵.

Строганов остался недоволен положением дел в пансионе, в частности он обнаружил, что там хранились запрещенные книги и стихи³⁶. Последствия ревизии не замедлили сказаться. 21 июня 1826 года министр народного просвещения А.С. Шишков отправил секретное письмо попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву, в котором он, ссылаясь на наблюдения Строганова, дает нелепую характеристику Благородному пансиону. Шишков считает, что «Благородный университетский пансион можно с большею основательностью назвать школою разврата, нежели домом воспитания»³⁷. Вину за «дурной дух», царящий в пансионе, Шишков возлагает на его директора А.А. Прокоповича-Антонского, которого он осуждает за нерадивость, и, прежде всего, на пансионского инспектора И.И. Давыдова³⁸. Шишков, называя преподавание Давыдова подозрительным, считает его педагогические принципы несовместимыми с его должностью. В связи с этим, в другом своем письме, обращаясь к А.А. Писареву 9 июля 1826 года, министр народного просвещения предписывает ему оценить образ мыслей и «нравственное поведение» Давыдова и сделать вывод о том «может ли... быть предоставлено ему образование и надзор благородного юношества в университетском пансионе»³⁹. В итоге, И.И. Давыдов, который, помимо этого, навлек на себя недовольство начальства вступительной лекцией по философии, прочитанной им в Московском университете, был уволен от должности инспектора Благородного пансиона. На его место был назначен профессор М.Г. Павлов.

Однако отставка Давыдова была лишь началом, поскольку он был не единственным чиновником пансиона, не устраивавшим начальство. В своем секретном письме от 21 июня Шишков резко критикует и А.А. Антонского за его пренебрежение должностью директора в Благородном пансионе, а также связывает неблагонадежность Московского университета с «неспособностью нынешнего ректора»⁴⁰.

В конце июля 1826 года Московский университет и Благородный пансион посетил император Николай I. В результате студент университета поэт А.И. Полежаев, автор поэмы «Сашка», был отдан в солдаты. Пансион также произвел негативное впечатление на императора⁴¹. Последствия этого посещения очень скоро дали себя знать. В 1826 году 31 июля вышло «Распоряжение относительно воспитанников Московского университета и состоящего при нем Благородного пансиона». В нем отмечалось, что «уже много сделано к отклонению найденных... беспорядков»⁴², но еще многое остается привести в порядок. Наряду с предписаниями чисто бытового характера, были указания, которые вмешивались во внутреннюю жизнь пансиона, меняя его привычные устои. Так, предполагалось тщательно следить за отбором гувернеров в Благородном пансионе, оставив в нем лишь «достоинейших», взять новых «способных» и «благонадежных». В пансионе была проведена ревизия

³⁵ Русская старина. 1902. № 4. С. 208.

³⁶ Насонкина Л.И. Московский Университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 95.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2987. Л. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 1.

⁴¹ Насонкина Л.И. Цит. соч. С. 96.

⁴² Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. I. С. 588

кадров, и не устраивавшие правительство преподаватели были отстранены. Относительно воспитанников, особое внимание было обращено на их одежду. Приписывалось единообразие во всем, то есть особая форма одежды как залог дисциплины⁴³. Постановление от 6 сентября 1826 года «О мундирах для студентов Московского университета и для воспитанников Благородного пансиона и гимназии» вводило обязательные для этих учебных заведений мундиры⁴⁴. Так был воплощен в жизнь один из пунктов не утвержденного постановления 1826 года.

Вероятнее всего посещение Николая I и найденные им беспорядки в Московском университете и Благородном пансионе окончательно решили судьбу А.А. Прокоповича-Антонского, фактически поставив точку в его карьере. В сентябре 1826 года Антонский был уволен с поста директора Благородного пансиона по причине «неудобства» совмещения двух его ответственных должностей⁴⁵. На его место был определен начальник университетской типографии П.А. Курбатов. Практически сразу же после увольнения от должности директора пансиона Антонский потерял и свой второй пост. Уже 20 сентября он вынужден был направить А.А. Писареву письмо с прошением об «отпуске»⁴⁶. Официальная формулировка причины увольнения Антонского с поста ректора звучала как необходимость «отпуска» «по болезни» и «по преклонности лет». Однако чисто формальный характер такого объяснения не вызывает сомнений.

Все же увольнение Антонского не смогло решить проблем пансиона. По мнению императора, вновь посетившего Благородный пансион сразу после отставки его директора, 24 сентября 1826 года, более всего этому учебному заведению не хватало строгого порядка и дисциплины. В связи с этим, Николай I направил инспектора Благородного пансиона М.Г. Павлова в Санкт-Петербург, чтобы перенять положительный опыт столичных заведений⁴⁷. По приказу императора тот осмотрел Инженерное и Артиллерийское училища, школу гвардейских подпрапорщиков, Санкт-Петербургский университет, его пансион и Царскосельский лицей. Поездка Павлова имела своей целью последующее преобразование Благородного пансиона в духе военных учебных заведений Петербурга. По возвращении инспектора, в устройстве Благородного пансиона был произведен ряд изменений: все воспитанники были одеты в мундиры, по предписанному ранее образцу; по аналогии с обстановкой комнат военных учебных заведений, деревянные кровати пансионеров были заменены на железные, также был сделан ряд незначительных перемен чисто бытового характера. Вместе с тем, были предписаны меры по укреплению дисциплины и порядка в пансионе⁴⁸. Попечитель Московского учебного округа, посетив в октябре 1827 года Московский университетский благородный пансион, остался чрезвычайно доволен, найдя «в оном много перемен к улучшению как в образовании пансионеров, так и в удобности для жительства их»⁴⁹.

И, тем не менее, на этом проведение преобразований в Благородном пансионе не закончилось. Император Николай I стремился привести весь комплекс образовательных учреждений в строгую, максимально упорядоченную систему, функцио-

⁴³ Там же. С. 588—592.

⁴⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. II. С. 38—39.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф.459. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2987. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 3419. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

нирующую в соответствии с четкими правилами, систему, которую возможно контролировать. В основу был положен принцип строгой сословности и бюрократической централизации. Уровень образования должен был соответствовать социальному положению учащегося, а преемственная связь между существовавшими и ранее ступенями образования была нарушена. Разделение на ступени стало гораздо более строгим и четким. Это зафиксировано в утвержденном 8 декабря 1828 года «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских».

Что касается Благородного пансиона, то он в этой иерархии учебных заведений всегда стоял несколько особняком, то есть в строгое разделение их функций он не вписывался. При таком положении вещей, было неизбежно, что реформы Николая I коснутся и его. Чтобы построить Благородный пансион в сформированную систему, необходимо было изменить его статус. Как мы убедились, существовали альтернативы преобразования Благородного пансиона в гимназию. Так, первоначально предполагалось возродить подчинение его университету, поставить под строгий контроль университетского совета. Однако после восьмилетнего самостоятельного существования пансиона этот шаг оказался неосуществимым. Другой вариант – преобразование Благородного пансиона в духе военных учебных заведений Петербурга. Успех первых сделанных в этом направлении шагов, возможно, отсрочил, но не предотвратил низведение пансиона до уровня гимназии.

Уже в постановлении от 29 марта 1830 года говорилось о преобразовании Благородного пансиона в гимназию⁵⁰. В соответствии с постановлением права и преимущества пансиона распространялись лишь на тех воспитанников, которые начали свое обучение до его выхода⁵¹. В сентябре 1830 года вышло распоряжение «О преобразовании Благородного пансиона при Московском университете в гимназию», по которому это преобразование производилось единовременно и порядки, принятые ранее в пансионе, приводились в соответствие с уставом гимназий. В частности, преподавание в будущей гимназии курса наук, предусмотренного для чиновников указом 6 августа 1809 года, запрещалось. Также запрещалось давать новой гимназии название дворянской⁵².

Итак, статус пансиона, его место в системе народного просвещения не однократно претерпевали изменения. Всю его историю можно разделить на 4 периода. Выделившись изначально из университетской гимназии, пансион пошел по пути постепенного отделения от Московского университета. Два важнейших события знаменуют собой основные этапы этого обретения самостоятельности – 1790 год – территориальное отделение пансиона от остальных учреждений университета, законодательно закрепленное постановлением 1806 года, и 1818 год – дарование ему особых прав и привилегий, ставивших его практически на один уровень с университетами, а затем и получение собственной печати как знака полной независимости.

Одновременно с отделением от университета менялся характер и функции этого учебного заведения. Первоначально главной для него была воспитательная функция, однако, поскольку пансион выделился из гимназии, созданной для подготовки будущих студентов для обучения в университете, он принял на себя и эту

⁵⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 349–350.

⁵¹ Там же. С. 350.

⁵² Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1898. Т. II. С. 745–749.

функцию. После 1818 года обучение в Благородном пансионе фактически заменяет для многих дворян образование в разночинском по составу университете.

Самостоятельный, приносящий значительные доходы и, в то же время, финансово независимый ни от университета, ни от правительства пансион, который к тому же ассоциировался с именами многих декабристов, попал в немилость нового императора. Попытка вновь поставить пансион под внешний контроль, возродить его зависимость от университета не увенчалась успехом. Проведение ряда преобразований, основанных на примере военных учебных заведений, также существенно не изменило положения. Поскольку Благородный пансион не вписывался в строгую иерархическую систему, к которой Николай I стремился привести все учебные заведения страны, закономерно было низведение его до уровня гимназии.

Мраморнов А.И.
(исторический факультет МГУ)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК ХРАНИЛИЩЕ УНИКАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XIX В.

*(Обзор источников по истории Саратовской епархии, хранящихся
в краеведческом музее г. Петровска)*

Большинство современных фундаментальных исследований по истории Русской Православной Церкви XIX – начала XX вв. создается в основном на материалах федеральных архивов и печатных источниках (правда, есть и исключения¹). И это, конечно, справедливо, ведь если говорить более широко, то и другие труды по истории иных политических, социальных и правовых структур также базируются на источниках «из центра». Россия – страна с прочными традициями централизованного управления, особенно государственного, а церковное управление являлось в рассматриваемый период составной частью государственного (хотя и не вписывалось полностью в его рамки). Все это, однако, не умаляет ценности провинциальных материалов. Более того, «центральные» и «местные» источники чаще всего дополняют друг друга: можно сказать, что первые («центральные») отражают, как «сверху» указывали и разрешали крупные проблемы и споры, а вторые («местные») – как на более низком уровне приводили указанное в исполнение и разрешали более мелкие проблемы и конфликты.

История поволжских епархий пока не нашла должного отражения в историографии и редко выходит за рамки краеведения, не всегда имеющего научный характер. Между тем изучение локальных вариантов организации структур церковного управления может привести к новым, неожиданным выводам, а отдельные, положительные его явления – послужить образцом для восстановления церковного организма ныне, в начале XXI в. О действительном наличии таких явлений говорит то, что эта система почти два десятилетия (с 1917 до конца 1930-х гг., когда была окончательно сломана) выдерживала натиск большевистских гонений на Церковь.

¹ Например, *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. В монографии привлечены интересные материалы из Государственного архива Тверской области.